

МАССОВОЕ СОЗНАНИЕ И ПОВЕДЕНИЕ ЖИТЕЛЕЙ СИБИРИ

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.21684/2587-8484-2020-4-4-41-53

УДК 316.4.06

Социальный протест в Алтайском крае: опыт исследования в методологии социального конфликта

Виктор Валентинович Нагайцев¹, Ангелина Николаевна Шрайбер²,
Валентина Андреевна Артюхина³

¹ кандидат социологических наук, доцент, заведующий кафедрой эмпирической социологии и конфликтологии, Алтайский государственный университет (г. Барнаул, РФ) nvvv@yandex.ru

² кандидат социологических наук, доцент кафедры эмпирической социологии и конфликтологии, Алтайский государственный университет (г. Барнаул, РФ) ORCID: 0000-0001-5846-1297 336680@bk.ru

³ кандидат социологических наук, доцент кафедры эмпирической социологии и конфликтологии, Алтайский государственный университет (г. Барнаул, РФ) a-walentina@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена изучению феномена социального протеста в Алтайском крае. Приводятся данные социологического исследования по данной проблеме, проведенного авторами в 2018-2020 гг. Основным методом эмпирического исследования выступил опрос населения на различных территориях региона, позволивший выявить реальный и потенциальный уровень протестной активности граждан. Цель статьи — рассмотреть процесс формирования и развития протеста как особой формы социального конфликта, изучив влияние комплекса факторов на формирование протестных настроений, а также реальное протестное поведение населения. В работе показана социальная природа протеста, в основе которого лежат противоречия в интересах различных социальных групп регионального социума. В авторском понимании протестное поведение представлено как индивидуальные или коллективные действия субъектов, демонстрирующих недовольство существующей ситуацией в социуме. Значимость исследования заключается в понимании социального протеста как формы конфликта. В статье рассматриваются проблемы, связанные с различными научными трактовками сущности и содержания социального протеста, традиционные и неклассические методологические подходы к определению его сущности и содержания. Большое внимание в статье уделено функциям протеста, конструктивной направленности некоторых протестных действий гражданских активистов и тому, в какой мере протестное поведение населения оказывает влияние на различные аспекты жизнедеятельности регионального социума. В процессе

проведенных исследований были проанализированы следующие составляющие социального протеста в регионе: реальный и потенциальный уровень, причины возникновения, формы проявления и др. Как выяснилось в ходе исследования, акции социального протеста в региональном социуме носят разовый и ситуативный характер и поддаются профилактике и регулированию. Авторами сделан вывод, что отсутствие действенных механизмов управления протестным поведением социальных субъектов в региональном социуме может привести к самым неблагоприятным социальным последствиям — усилению конфликтности разноуровневых субъектов, росту напряженности, обострению социальных проблем и другим кризисным явлениям в обществе. Также сформулированы выводы, согласно которым причиной протеста выступает неприятие определенными субъектами сложившейся социальной ситуации в социуме, недовольство различными аспектами их жизни.

Ключевые слова: регион, социальные явления и процессы, конфликты в обществе, социальный протест, методология социологического исследования протеста, локальный социум, причины протестного поведения населения.

Цитирование: Нагайцев В. В. Социальный протест в Алтайском крае: опыт исследования в методологии социального конфликта / В. В. Нагайцев, А. Н. Шрайбер, В. А. Артюхина // *Siberian Socium*. 2020. Том 4. № 4 (14). С. 41-53.

DOI: 10.21684/2587-8484-2020-4-4-41-53

ВВЕДЕНИЕ

Термин «протест» происходит от латинского слова «protestari» — «открыто о чем-либо заявлять», означает явное или скрытое несогласие с некой ситуацией. Возможностей для выражения протеста достаточно много: от простого несогласия с чем-либо до массовых акций больших социальных групп.

Протестные акции населения являются одним из явлений, по которым оценивается социальная ситуация в социуме в целом. Необходимость и важность анализа протестных настроений и реальных действий социальных субъектов в обществе не вызывает сомнений. Актуальность исследования обусловлена ростом социально-экономических проблем и противоречий в региональных социумах РФ, усилением негативных форм взаимодействия социальных субъектов, соответственно, ростом напряженности, многочисленными конфликтами между различными социальными группами в современных условиях. В наибольшей степени эти противоречия проявляются в акциях социального протеста населения. Значимость исследования заключается в определении конфликтной составляющей протестных действий субъектов и того, в какой мере на протестное поведение населения оказывают влияние различные социальные факторы.

Цель исследования — объяснить процесс формирования и развития протеста как особой формы социального конфликта, изучив влияние комплекса факторов на формирование протестных настроений, а также реальное протестное поведение населения.

В настоящее время к анализу протестного поведения населения наиболее широко применяются социально-психологический и политологический подходы. Феномен социального протеста остается до сих пор достаточно малоизученным предметом исследований в отечественной социологической науке. Социальный протест в социологии анализировался в двух основных исследовательских направлениях. Первое — концепция относительной депривации, представители которой (С. Стауффер, В. Руинсиман, Дж. Девис, Т. Гарр) занимались выявлением факторов, влияющих на возникновение протеста. Второе направление (Дж. Маккарти, М. Залд, Р. Эш, М. Асим, К. Вильсон, В. Гемсон, Ч. Тилли и др.) объясняет развитие протестных действий субъектов наличием у них определенных ресурсов. По мнению авторов, протест может быть успешным только в случае мобилизации ресурсов его участников (физических, финансовых, информационных и т. п.) ради целей протеста.

Современными исследователями социальный протест понимается как неизбежное явление в лю-

бых локальных социумах [15, 16, 22]. В социологической науке классическим считается объяснение возникновения социального протеста в локальном социуме вследствие длительного вызревания недовольства определенных субъектов существующей социальной ситуацией [17, 24]. Американские социологи Дж. Экман и Э. Амна объясняют социальный протест как «отрицательное отношение некоторых субъектов к сложившейся в социуме ситуации» [23]. Вначале у различных социальных групп возникает сильное недовольство ситуацией в локальном социуме, а затем начинаются их коллективные протестные акции. Протест проводится с целью изменить ситуацию и решить определенную проблему в жизнедеятельности социума. Особенностью протеста при этом является разный уровень противоборствующих субъектов в структуре местного сообщества. Данный методологический подход соответствует позиции многих современных социологов, согласно которой протест представляет собой «действия, направленные на смену власти, проводимой политики и т. п.» [19, 22]. В работе Ульриха Бека «Дивный новый мир» протест рассматривается как «оказание давления на власти с целью принятия нужных для протестующих решений» [18].

Несколько иное объяснение протестного поведения населения было предложено американским социологом Джоном Дэвисом в его концепции «относительного неблагополучия (депривации) субъектов в социуме» [21]. Он считает, что социальный протест является последствием завершения достаточно длительного периода социально-экономического благополучия населения, когда их потребности и привычный образ жизни начинают не соответствовать реалиям новой социально-экономической ситуации в обществе. В результате возникает массовое недовольство населения, постепенно переходящее в открытые формы его социального протеста [20]. Тед Гарр в рамках данной концепции рассуждает о таких причинах недовольства социальных субъектов, которые возникают из их собственных представлений о социальной справедливости в мире, о том, что они достойны гораздо большего, что вызывает раздражение данных субъектов, кото-

рое приводит к их участию в протестных акциях [26]. В начале XXI в. Рональдом Инглхартом и Пиппой Норрис была разработана социологическая концепция «бесшумной революции» в современном мире, согласно которой у протестующих социальных субъектов появились новые требования — быстрых изменений в обществе (от равноправия женщин до трансформации социальных институтов) [27].

В России социология конфликта как самостоятельная отрасль знания находится пока в стадии своего становления. Однако ее методология в наибольшей степени подходит для анализа феномена социального протеста и в полной мере соответствуют реалиям современного российского общества, когда конфликты в форме протестного поведения граждан действительно помогают различным субъектам в итоге договариваться между собой и приводят к положительным изменениям в социуме и решению многих его социальных проблем [25, 28].

Теоретические, а также, в значительной степени, эмпирические исследования социального протеста широко представлены в отечественной социологической науке. Истины ради следует отметить, что в отечественной социологии социальный протест рассматривается не только с конфликтологических позиций. При этом большинство авторов сходятся во мнении, что источники социального протеста лежат именно в социальной сфере, в области социальной активности населения. Так, по мнению Т. В. Барановой, «социальная активность наряду с конструктивными формами зачастую носит противоречивый характер, вплоть до деструктивных форм протестной активности» [1, с. 143]. На наш взгляд, особый научный интерес представляет собой разработанная ею «методика анализа протестной активности населения России» [1, с. 143-152]. Довольно часто (и это представляется вполне логичным) социальный протест изучают в едином поле социально-политического протеста. Например, Е. В. Паничкина исследует протесты в социально-политическом пространстве региона (Кемеровской области) [8].

В процессе социологического анализа нам представляется нецелесообразным отвергать ис-

следования социального протеста, осуществляемые с позиций политологии. Например, этот феномен рассматривается в фундаментальной статье В. В. Костюшева, который, наряду с анализом теоретических аспектов проблемы, верифицирует теоретические положения с помощью эмпирических исследований, проведенных в 2004-2010 гг. в трех российских регионах: Смоленске, Калининграде, Краснодаре) [5, с. 148]. На наш взгляд, ценность данной статьи, хотя и написанной в рамках политологического подхода, для анализа рассматриваемой в данной работе проблематики заключается в возможности создания определенных содержательных принципов с целью изучения социального протеста, «которые обладают новыми описательными, объяснительными и прогностическими возможностями» [5, с. 154].

Российскими социологами исследуется протестная активность различных социальных групп населения страны, в первую очередь молодежи, как социально и политически наиболее активной части нашего общества. И это не случайно. Так, трудно не согласиться с мнением, которое высказал О. И. Габа, доказывая в своей статье, что молодежь выступает общественной группой, которая не только значима с позиций сохранения социальной стабильности, но и может быть источником весьма конфликтогенной межпоколенческой социодинамики [3].

Феномену экстремизма среди российской молодежи в целом (при этом в исследовании анализируется специфика ее различных групп) посвящена работа В. И. Чупрова и Ю. А. Зубок. В ней сделан вывод, согласно которому «...радикальные настроения молодежи отмечены в личностном и групповом самоопределении, в выборе жизненной позиции, в отношениях с социальным окружением. Направленность экстремальных настроений в форме фанатизма и нигилизма связана с возможностями реализации молодежью собственной субъектности. Фанатизм как крайняя форма радикализма в проявлении экстремальности, наоборот, непосредственно связан с возможностями самореализации молодежи. Поэтому для дальнейшего анализа важны оценки не только

уровня экстремальности, но и ее направленности» [13, с. 165].

На тематике современных исследований социального протеста не могло не сказаться влияние информационно-коммуникационных технологий, которые привели к определенной трансформации факторов и форм социального протеста. Например, в диссертационной работе А. В. Кучукяна раскрываются вопросы изучения социокультурных факторов воздействия виртуальных сетей на протестную активность молодежи [6]. Немало публикаций излагают результаты анализа протестной активности именно региональной молодежи. Например, Е. Б. Марин исследует протестные настроения студентов вузов Приморского края [7].

Значительное число научных работ рассматривают те или иные аспекты социального протеста населения (без выделения возрастной специфики респондентов) различных регионов нашей страны. В частности, «на основании содержательного анализа тематических сообщений о протестной активности населения Ярославской области в 2018 и 2019 годах, размещенных в сети Интернет» [10, с. 108], авторы делают вывод о том, что основные показатели протестной активности населения региона адекватны ее характеристикам по России в целом. По их мнению, «отличием протестной активности в области можно считать объединение большинства региональных оппозиционных сил для проведения наиболее массовых публичных акций» [10, с. 108].

АНО «Институт региональной экспертизы» в апреле 2019 г. опубликовал доклад, в котором была проанализирована протестная активность населения, проживающего в различных регионах страны. В процессе исследования были выделены две основные формы протестных действий: политические и социально-экономические [9]. Автор приходит к выводам, согласно которым продолжается процесс «постепенного стирания различий между социально-экономическими и политическими акциями... В целом сохраняется тенденция, согласно которой более массовыми являются протестные акции, которые направлены на решение проблем регионального

характера» [9]. Эти данные подтверждают важность дальнейшего изучения проблематики социального протеста на уровне регионов России.

Н. И. Чувашова рассматривает факторы и направленность акций социального протеста в Архангельском регионе, выделяя при этом также определенные позитивные последствия акций социального протеста [12]. Х. М. Хаджалова исследует динамику потенциала социального протеста в Республике Дагестан на материалах социологических исследований, проведенных в 2007-2017 гг., которые говорят об усилении недовольства населения социально-экономическим положением в Республике [11].

Результаты социологических исследований в Новосибирской области легли в основу анализа особенностей протестного потенциала, проведенного Н. Д. Вавиловой и Д. А. Котовым [2]. Используя результаты кластерного анализа, авторы делают нетривиальные выводы, что «население, имеющее достаточно высокий уровень дохода, но недовольное своим положением, имеет отличительные черты в восприятии социальных проблем и готово отстаивать свои интересы через акции протеста» [2, с. 184].

С применением кластерного анализа данных социологических исследований, проведенных в 2014 г., рассмотрена социальная напряженность и протестная активность жителей г. Орла и Орловской области [4].

Также среди отечественных социологов, изучавших различные аспекты социального протеста в регионах, необходимо отметить работы Ю. Е. Радова, Л. Н. Цой, В. А. Семенова, В. А. Светлова и др. В целом региональные исследования социального протеста свидетельствуют, во-первых, о специфичности его причин и источников в тех или иных регионах страны, во-вторых, об общей тенденции возможного перерастания социального протеста в политический.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Уровень протестных настроений и реального протестного поведения населения в региональном социуме оценивались авторами по данным социологического исследования «Раз-

работка и продвижение комплекса мер по снижению уровня социальной напряженности и конфликтности населения в Алтайском крае в 2018-2020 гг.». В его процессе было осуществлено изучение параметров социального протеста в региональном социуме и сравнение его результатов с выводами предшествующих исследований отечественных социологов по данной теме. Использовался метод стандартизированного интервью. Было опрошено 1 220 респондентов (2018 г.) и 600 респондентов (2019 г.), проживающих в Алтайском регионе; авторами проведено 4 фокус-группы с представителями разных социальных групп населения; экспертный опрос (в виде глубинного интервью). Наряду с традиционными процедурами социологического измерения протестных настроений, необходимых для проверки системы гипотез, было осуществлено применение ряда методик инновационного характера.

В целом результаты исследования не только социологически точно диагностирует ситуацию в регионе, но и могут служить базой для научного обоснования регулирования протестного поведения населения в регионах РФ. В ходе реализации проекта был применен комплексный подход к анализу протестного поведения населения региона, реализованный на основе сочетания традиционных и инновационных социологических методов. Разработан авторский инструментарий и проведены опросы жителей Алтайского края и экспертов. Проанализированы тренды, связанные с протестной активностью населения, отраженные в материалах региональных средств массовой информации. Основными методами сбора информации выступили анализ конкретных событий, массовый опрос населения, экспертные интервью, фокус-группы, традиционный и контент-анализ материалов СМИ по теме исследования.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Конфликтный потенциал, всегда присутствующий в социуме, периодически порождает реальное протестное поведение разных социальных групп населения. В процессе исследования нас в первую

очередь интересовал вопрос об опыте участия граждан в уже состоявшихся акциях протеста.

В таблице 1 приведены данные, согласно которым подавляющая часть респондентов (89% опрошенных) заявляют, что никогда не принимали участие в акциях социального протеста. Только 11% опрошенных заявляют, что принимали когда-либо участие в акциях протеста. Таким образом, можно констатировать, что уровень реального протестного поведения населения Алтайского края весьма низкий.

Как видно из таблицы 2, большая часть опрошенных (30%) утверждают, что лично обращались в органы государственной власти. При этом 28% из них заявили, что участвовали когда-то в митингах, шествиях и т. п. Еще 18% респондентов

Таблица 1. Распределение ответов на вопрос: «Принимали ли Вы когда-либо участие в акциях социального протеста?» (в % к числу ответивших)

Table 1. The distribution of answers to the question “Have you ever participated in social protest actions?” (% of respondents)

Альтернативы ответа	Доля ответивших, %
Да, принимал участие	11
Нет, не принимал участие	89
<i>Итого</i>	100

Таблица 2. «В каких акциях социального протеста Вы принимали участие?» (в % к числу ответивших)

Table 2. “In what social protest actions have you ever participated?” (% of respondents)

Альтернативы ответа	Доля ответивших, %
Митинги, демонстрации, пикеты, шествия	28
Забастовки	18
Обращения в органы государственной власти	30
Современные формы социального протеста (флешмобы, протестные перформансы)	7
Протестная активность в Интернете	13
Другое	4
<i>Итого</i>	100

заявляют, что они принимали участие в забастовках. У 13% респондентов протестная активность происходит в Интернете (публикации под хэштегом, распространение и комментарии публикаций оппозиционных блогеров). Только 7% участников исследования уже использовали современные формы социального протеста (флешмобы, протестные перформансы).

Согласно данным, представленным в таблице 3, большинство респондентов (60%) утверждают, что принимали участие в акции протеста, т. к. их не устраивает ситуация в стране и регионе. 18% опрошенных заявляют, что стали участвовать в акциях социального протеста с друзьями за компанию. Еще 8% респондентов считают, что им заплатили. Среди других ответов — «ради общения с людьми», «всё уже достало», «от безысходности» и пр.

Как видно из таблицы 4, 40% опрошенных полагают, что акции протеста выступают скорее неэффективным способом отстаивания своих интересов. Другие 27% считают акции социального протеста скорее эффективным способом отстаивания своих интересов. Еще 13% респондентов заявляют, что акции социального протеста — это определенно неэффективный способ отстаивания своих интересов. Напротив, 11% респондентов считают их определенно эффективным способом.

Как видим, половина опрошенных не планирует принимать участие в социальном протесте

Таблица 3. Распределение ответов на вопрос: «Почему Вы приняли участие в акции социального протеста?» (в % к числу ответивших)

Table 3. The distribution of answers to the question “Why did you participate in social protest actions?” (% of respondents)

Альтернативы ответа	Доля ответивших, %
Меня не устраивает ситуация в стране и регионе	60
Пришел с друзьями за компанию	18
Мне заплатили, чтобы я принял участие	8
Другое	3
Затрудняюсь ответить	11
<i>Итого</i>	100

в ближайшее время (таблица 5). Еще 12% респондентов также не готовы участвовать в таких акциях, поскольку не ухудшились условиях их жизни. Каждый десятый из участников исследования заявляет, что намерен лично участвовать в акциях социального протеста в ближайшее время. 29% опрошенных затруднились с ответом или отказались отвечать на данный вопрос. Так, готовность принять участие в акциях протеста в ближайшее время составляет 10 %, что является максимальным значением в современный период развития Алтайского региона.

Таблица 4. Распределение ответов на вопрос: «Считаете ли Вы акции протеста эффективным способом отстаивания своих интересов?» (в % к числу ответивших)

Table 4. The distribution of answers to the question “Do you think that protest actions are an effective way to defend your interests?” (% of respondents)

Альтернативы ответа	Доля ответивших, %
Определенно да	11
Скорее да, чем нет	27
Скорее нет, чем да	40
Определенно нет	13
Затрудняюсь ответить	9
<i>Итого</i>	100

Таблица 5. Распределение ответов на вопрос: «Намерены ли Вы лично участвовать в акциях социального протеста в ближайшее время?» (в % к числу ответивших)

Table 5. The distribution of answers to the question “Do you personally intend to participate in social protest actions in the nearest future?” (% of respondents)

Альтернативы ответа	Доля ответивших, %
Нет, так как условия моей жизни не ухудшились	12
Нет, так как протест не улучшит моей жизни	49
Да, намерен	10
Не знаю, отказываюсь отвечать на этот вопрос	29
<i>Итого</i>	100

ОБСУЖДЕНИЕ

По мнению авторов статьи, для эффективного изучения феномена протеста необходима разработка нового социологического подхода к его анализу. В нем социальный протест предстает как форма разворачивающегося социального конфликта. Сущность и содержание протеста, безусловно, связаны с наличием реальных противоречий в интересах субъектов разного уровня социальной системы общества. Надо заметить, что любое протестное поведение является определенным конфликтным действием, направленным против другого социального субъекта. В ситуации протеста мы имеем дело с конфликтным взаимодействием субъектов, возникшим из-за наличия противоречий в их интересах и позициях. Социология конфликта определяет несколько обязательных элементов любого конфликта: две стороны (субъекты) и осуществление ими противоборства. Именно наличие двух противодействующих субъектов позволяет нам признать протест в качестве формы социального конфликта.

Протест представляет собой целую систему взаимодействия разнотипных социальных субъектов с определенной последовательностью их действий. В ряде случаев социальный субъект, против которого направлены протестные действия населения региона, не вполне очевиден. Лишь массовые акции протеста населения имеют явного оппонента — виновника недовольства граждан. Однако часто акции протеста носят диффузный и латентный характер и, на первый взгляд, лишены хоть какого-либо оппонента. Тем не менее протест как форма конфликта всегда подразумевает наличие второго субъекта, против действий которого, в конечном счете, он и направлен. Протест, как правило, является следствием его предыдущих действий (или бездействия). Иначе говоря, в протесте одной стороной конфликта выступает субъект, против которого он направлен (властные органы, крупные предприятия, частные компании и т. п.), а другой стороной — субъекты, недовольные его действиями. В определенных ситуациях протест представляет собой часть более крупного противоборства субъектов.

Авторы статьи придерживаются методологического подхода, согласно которому социальный конфликт выступает родовым понятием по отношению к феномену протеста. Понимание протеста как формы конфликта позволяет исследовать всё многообразие форм протестного поведения населения — от писем в газету до массовых акций. Появляются новые эвристические возможности, которые дает социология конфликта для анализа феномена протеста. Протестная акция возникает в результате взаимовлияния многих факторов и причин объективного и субъективного характера. Одни исследователи видят причины протеста в тяжелом экономическом положении социальных субъектов социума. Другие указывают на политический характер действий участников протеста, недовольных властью. Третьи объясняют его появление социально-психологическими причинами.

Важно различать причины и поводы протестов. Большинство противоборств социальных субъектов начинается с конкретного события (триггера), играющего роль повода для начала открытого противодействия оппонентов. Так, неправильно было бы называть причиной протестных акций результаты выборов в органы власти. Итоги голосования выступают лишь поводом для социального протеста населения. Разделение нами повода и причин конфликта вступает в противоречие с основными методологическими положениями классических концепций анализа феномена протеста, представители которых убеждены, что индивид, обозначающий причину своего участия в протесте, всегда говорит правду. Это затрудняет понимание реальной сущности протеста. Проводя опросы населения, мы задавали респондентам вопрос: «Почему Вы приняли участие в акции социального протеста?». Анализ их ответов для нас был только первым шагом на пути выявления истинных причин протеста. Для определения его причин необходимо использовать также качественные методы исследования (фокус-группы, глубинные интервью и др.) и сложный математико-статистический анализ полученной информации.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В статье нами рассмотрен феномен протеста в региональном социуме. Протест как явление, проявляющееся в конкретных формах противодействия разноуровневых социальных субъектов, в настоящее время однозначно присутствует в нашем региональном социуме. Нами были проанализированы следующие составляющие протестного поведения населения: реальный и потенциальный уровень, формы проявления, его причины и др.

Протест определяется нами как индивидуальные или коллективные действия субъектов, демонстрирующие их недовольство существующей ситуацией в социуме. Протест как форма социального конфликта характеризуется наличием следующих противоборствующих сторон: с одной стороны — объявленный протестующими «виновник» сложившейся ситуации (как правило, это конкретные социальные группы, крупные организации, представители органов власти, действующий политический режим в целом и т. д.); с другой стороны — сами протестующие субъекты с общими требованиями, стратегией поведения и т. п.

В основе любого социального протеста в социуме лежит появление противоречия в интересах разных социальных групп. В результате растет неудовлетворенность населения деятельностью действующей власти, недовольство условиями своей жизнедеятельности, формируется социальная база протеста. Таким образом, причиной протеста выступает неприятие определенными субъектами сложившейся социальной ситуации в социуме, недовольство различными аспектами их жизни. Как выяснилось в ходе нашего исследования, протесты в региональном социуме носят разовый и ситуативный характер, поддаются регулированию. Отсутствие действенных механизмов управления протестным поведением социальных субъектов в социуме может привести к самым неблагоприятным социальным последствиям — усилению конфликтности субъектов, росту напряженности, обострению социальных проблем населения и другим кризисным явлениям. Нельзя не отметить и высокую вероятность роста протестной активности населения регионов в связи

с продолжающейся эпидемией коронавируса, неоправданно жесткими (по мнению некоторых жителей) карантинными мерами и недостаточно эффективными действиями властей в этой области (по мнению другой части населения). На развитие потенциала социального протеста в регионах в дальнейшем может повлиять недостаточная готовность системы здравоохранения к массовому приему и эффективному лечению коронавирусных больных, а также отмена плановых госпитализаций и невозможность попасть к врачу больных с другими заболеваниями. Нельзя исключать также протестных проявлений, связанных с экономическим спадом и резким ростом безработицы в регионах вследствие эпидемии. Данная проблема потенциально может стать активатором социаль-

ного протеста населения регионов, причем ее возникновение, очевидно, возможно именно в отдельных регионах с наиболее напряженной эпидемиологической обстановкой и неэффективным реагированием властей на ситуацию. При этом существует реальная опасность перехода подобного протеста из социальной плоскости в политическую, что требует проведения специальных межрегиональных исследований компаративного характера. Следует отметить, что в условиях пандемических ограничений целесообразны изменения в методиках для изучения социального протеста в связи с ограниченным доступом к респондентам, в частности, смещение акцентов на онлайн-опросы населения, анализ контента сети Интернет и т. п.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Баранова Г. В. Методика анализа протестной активности населения России / Г. В. Баранова // Социологические исследования. 2012. № 10. С. 143-152. DOI: 10.7868/S0132162517110046
2. Вавилина Н. Д. Региональные особенности протестного потенциала в условиях социальной напряженности / Н. Д. Вавилина, Д. А. Котов // Идеи и идеалы. 2018. Том 2. № 1 (35). С. 176-186.
3. Габа О. И. Молодежь как субъект протестных настроений / О. И. Габа // Знание, понимание, умение. 2015. № 1. С. 144-151. URL: http://www.zpu-journal.ru/zpu/contents/2015/1/Gaba_Youth-Protest-Feelings/ (дата посещения: 20.09.2020).
4. Каира Ю. В. Социальная напряженность и протестная активность населения региона / Ю. В. Каира // Среднерусский вестник общественных наук. 2017. Том 12. № 2. С. 20-28.
5. Костюшев В. В. Социальный протест в поле политики: потенциал, дискурс (опыт теоретического понимания и эмпирической верификации) / В. В. Костюшев // Полис. 2011. № 4. С. 144-157.
6. Кучукян А. В. Социоструктурные детерминанты влияния виртуальных сетей на протестную активность современной молодежи: дис. ... канд. социол. наук / А. В. Кучукян. Ставрополь, 2017. 183 с.
7. Марин Е. Б. Молодежные протестные настроения в Приморском крае (на примере студенчества) / Е. Б. Марин // Вестник Института социологии. 2018. № 26. С. 63-82. DOI: 10.19181/vis.2018.26.3.524 (дата обращения: 17.09.2020).
8. Паничкина Е. В. Протесты в социально-политическом пространстве региона (на примере Кемеровской области) / Е. В. Паничкина // Теории и проблемы политических исследований. 2019. Том 8. № 6А. С. 53-63. DOI: 10.34670/AR.2020.46.6.101
9. Салаватова А. Неполитический протест в регионах: структура, динамика и возможности политизации. Аналитический доклад / А. Салаватова; Агентство политических и экономических коммуникаций. 2019. 29 октября. URL: http://www.apecom.ru/projects/item.php?SECTION_ID=91&ELEMENT_ID=5673 (дата обращения: 25.09.2020).
10. Соколов В. А. Социальный протест в контексте российского региона (на материалах Ярославской области) / В. А. Соколов, В. В. Загребин // Социальные и гуманитарные знания. 2019. Том 5. № 2. С. 108-116.
11. Хаджалова Х. М. Потенциал социального протеста в Республике Дагестан / Х. М. Хаджалова // УЭПС: управление, экономика, политика, социология. 2017. № 4. С. 27-35.

12. Чувашова Н. И. Социальный протест на региональном уровне / Н. И. Чувашова // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2013. № 4. С. 40-47.
13. Чупров В. И. Экстремизм среди молодежи / В. И. Чупров, Ю. А. Зубок // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2009. № 1 (89). С. 146-166.
14. Adler R. What do we mean by «Civic engagement»? / R. Adler, J. Goggin // Journal of Transformative Education. 2005. Vol. 3. No. 3. Pp. 236-253.
15. Arnold M. The concept of community and the character of networks / M. Arnold // The Journal of Community Informatics. 2007. Vol. 3. No. 2. Pp. 327-355.
16. Boulding K. E. Conflict and Defence: A General Theory / K. E. Boulding. New York: Harper & Brothers Publishers, 1962. 349 pp.
17. Beck U. The Brave New World / U. Beck. Cambridge, MA: Polity Press, 2000. 543 pp.
18. Collins R. Interaction Ritual Chains / R. Collins. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2004. 439 pp.
19. Davies J. When Men Revolt and Why / J. Davies. New York, NY: The Free Press, 1970. 357 pp.
20. Davis J. A formal interpretation of the theory of relative deprivation / J. Davies // Sociometry. 1959. Vol. 22. No. 4. Pp. 280-296.
21. Ehrlich T. Civic Responsibility / T. Ehrlich. New York, NY: Rowman & Little-field, 2000. 450 pp.
22. Ekman J. Political participation and civic engagement / J. Ekman, E. Amna // Human Affairs. 2012. Vol. 22. Pp. 283-300.
23. Goffman I. Status consistency and preference for change in power distribution / I. Goffman // American Sociological Review. 1957. Vol. 22. No. 3. Pp. 275-281.
24. Gurney P. Relative deprivation and social movements: a critical look at twenty years of theory and research / P. Gurney, K. Tierney // Sociological Quarterly. 1982. Vol. 23. No. 1. Pp. 33-47.
25. Gurr T. R. Why Men Rebel / T. R. Gurr. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1970. 420 pp.
26. Inglehart R. Sacred and Secular: Religion and Politics Worldwide / R. Inglehart, P. Norris. Cambridge, MA: Cambridge University Press, 2004. 424 pp.
27. Nagaytsev V. V. Conflictness in society: definition and causes / V. V. Nagaytsev // 21st Century: Fundamental Science and Technology XXI: Proceedings of the Conference. Morrisville, NC, 2019. Vol. 10. Pp. 129-132.

RESEARCH ARTICLE

DOI: 10.21684/2587-8484-2020-4-4-41-53

UDC 316.4.06

Social protest in the Altai Territory: research experience in the methodology of social conflict

Victor V. Nagaytsev¹, Angelina N. Shrayber², Valentina A. Artyukhina³

¹ Cand. Sci. (Soc.), Associate Professor,
Head of the Department of Empirical Sociology and Conflictology,
Altai State University (Barnaul, Russian Federation)
nvvv@yandex.ru

² Cand. Sci. (Soc.), Associate Professor,
Department of Empirical Sociology and Conflictology,
Altai State University (Barnaul, Russian Federation)
ORCID: 0000-0001-5846-1297
336680@bk.ru

³ Cand. Sci. (Soc.), Associate Professor,
Department of Empirical Sociology and Conflictology,
Altai State University (Barnaul, Russian Federation)
a-walentina@mail.ru

Abstract. This article studies the phenomenon of social protest in the Altai Territory. The authors present the data from a sociological study on this issue conducted in 2018-2020. The main method of empirical research was a survey of the population in various territories of the region, which revealed the real and potential level of protest activity of citizens. This article considers the process of formation and development of protest as a special form of social conflict, studying the influence of a complex of factors on the formation of protest moods, as well as the real protest behavior of the population. The authors show the social nature of protest, which is based on contradictions in the interests of various social groups in the regional society. In the authors' understanding, the protest behavior is represented as individual or collective actions of subjects demonstrating dissatisfaction with the existing situation in society. The significance of the research lies in the understanding of social protest as a form of conflict. This article deals with problems related to various scientific interpretations of the essence and content of social protest, traditional and non-classical methodological approaches to determining its essence and content. Attention is paid to the functions of protest, the constructive orientation of some protest actions of civil activists, and the extent to which the protest behavior of the population affects various aspects of the life of the regional society. In the course of the research, the following components of social protest in the region were analyzed: the real and potential level; causes; and the forms of manifestation, among others. As it turned out in the course of the study, social protest actions in regional society are one-time and situational in nature, and they can be prevented and regulated. The authors conclude that the lack of effective mechanisms for managing the protest behavior of social actors in regional society can lead to the most unfavorable social consequences — an increased conflict between different levels of subjects, increased tension, aggravation of social problems and other crisis phenomena in society. The conclusions are also formulated, according to which the reason for the protest is the rejection of certain subjects of the current social situation in society, dissatisfaction with various aspects of their life.

Keywords: region, social phenomena and processes, conflicts in society, social protest, methodology of sociological research of protest, local society, causes of protest behavior of the population.

Citation: Nagaytsev V. V., Shrayber A. N., Artyukhina V. A. 2020. "Social protest in the Altai Territory: research experience in the methodology of social conflict". *Siberian Socium*, vol. 4, no. 4 (14), pp. 41-53. DOI: 10.21684/2587-8484-2020-4-4-41-53

REFERENCES

1. Baranova G. V. 2012. "Methodology of analysis of protest activity of the Russian population". *Sotsiologicheskie issledovaniya*, no. 10, pp. 143–152. DOI: 10.7868/S0132162517110046 [In Russian]
2. Vavilina N. D., Kotov D. A. 2018. "Regional peculiarities of protest potential in the conditions of social tension". *Idey i idealy*, vol. 2, no. 1 (35), pp. 176-186. [In Russian]
3. Gaba O. I. 2015. "Young people as a subject of protest sentiment". *Znanie, ponimanie, umenie*, no. 1, pp. 144–151. Accessed 20 September 2020. http://www.zpu-journal.ru/zpu/contents/2015/1/Gaba_Youth-Protest-Feelings/ [In Russian]
4. Kaira Yu. V. 2017. "Social tension and protest activity of the region's population". *Srednerusskiy vestnik obshchestvennykh nauk*, vol. 12, no. 2, pp. 20-28. [In Russian]
5. Kostyushev V. V. 2011. "Social protest in the political field: potential, discourse (experience of theoretical understanding and empirical verification)". *Polis*, no. 4, pp.144-157. [In Russian]
6. Kuchukyan A. V. 2017. "Sociostructural determinants of the influence of virtual networks on the protest activity of modern youth". *Cand. Sci. (Soc.) diss. Stavropol*. 183 pp. [In Russian]
7. Marin E. B. 2018. "Youth protest moods in Primorsky Krai (on the example of students)". *Vestnik Instituta sociologii*, no. 26, pp. 63-82. Accessed 17 September 2020. DOI: 10.19181/vis.2018.26.3.524 [In Russian]
8. Panichkina E. V. 2019. "Protests in the social and political space of the region (on the example of the Kemerovo region). *Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy*, vol. 8, no. 6A, pp. 53-63. DOI: 10.34670/AR.2020.46.6.101 [In Russian]
9. Salavatova A. 2019. "Non-political protest in the regions: structure, dynamics and opportunities for politicization. Analytical report". *Agentstvo politicheskikh i ekonomicheskikh kommunikatsiy*. 29 October. Accessed 25 September 2020. http://www.apecom.ru/projects/item.php?SECTION_ID=91&ELEMENT_ID=5673 [In Russian]
10. Sokolov V. A., Zagrebin V. V. 2019. "Social protest in the context of the Russian region (the case of the Yaroslavl Region)". *Sotsialnye i gumanitarnye znaniya*, vol. 5, no. 2, pp. 108-116. [In Russian]
11. Khadzhalova Kh. M. 2017. "Potential for social protest in the Republic of Dagestan". *UEPS: upravlenie, ekonomika, politika, sociologiya*, no. 4, pp. 27-35. [In Russian]
12. Chuvashova N. I. 2013. "Social protest at the regional level". *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federalnogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsialnye nauki*, no. 4, pp. 40-47. [In Russian]
13. Chuprov V. I., Zubok Yu. A. 2009. "Extremism among the youth". *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsialnye peremeny*, no. 1 (89), pp. 146–166. [In Russian]
14. Adler R., Goggin J. 2005. "What do we mean by 'Civic engagement'?". *Journal of Transformative Education*, vol. 3, no. 3, pp. 236-253.
15. Arnold M. 2007. "The concept of community and the character of networks". *The Journal of Community Informatics*, vol. 3, no. 2, pp. 327-355.
16. Boulding K. E. 1962. *Conflict and Defence: A General Theory*. New York: Harper & Brothers Publishers. 349 pp.
17. Beck U. 2000. *The Brave New World*. Cambridge, MA: Polity Press. 543 pp.
18. Collins R. 2004. *Interaction Ritual Chains*. Princeton, NJ: Princeton University Press. 439 pp.
19. Davies J. 1970. *When Men Revolt and Why*. New York, N.Y.: The Free Press. 357 pp.
20. Davis J. 1959. "A formal interpretation of the theory of relative deprivation". *Sociometry*, vol. 22, no. 4, pp. 280-296.

21. Ehrlich T. 2000. Civic Responsibility. New York, NY: Rowman & Little-field. 450 pp.
22. Ekman J., Amna E. 2012. "Political participation and civic engagement". Human Affairs, vol. 22, pp. 283-300.
23. Goffman I. 1957. "Status consistency and preference for change in power distribution". American Sociological Review, vol. 22, no. 3, pp. 275-281.
24. Gurney P., Tierney K. 1982. "Relative deprivation and social movements: a critical look at twenty years of theory and research". Sociological Quarterly, vol. 23, no. 1, pp. 33-47.
25. Gurr T. R. 1970. Why Men Rebel. Princeton, NJ: Princeton University Press. 420 pp.
26. Inglehart R., Norris P. 2004. Sacred and Secular: Religion and Politics Worldwide. Cambridge, MA: Cambridge University Press. 424 pp.
27. Nagaytsev V. V. 2019. "Conflictness in society: definition and causes". 21 Century: fundamental science and technology XXI: Proceedings of the Conference. Vol. 10, pp. 129-132. Morrisville, NC.